

НЕВИННАЯ
ДЛЯ ДЕМОНА
РОКСАНА ФОКС

18+

Роксана Фокс

Невинная для демона

<https://litres.ru/74469437>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, демоны не умеют чувствовать. Каэл верил в это столетиями, пока не вошел в монастырь под маской смиренного монаха в поисках древнего артефакта, скрытого в этих стенах.

Лира — тихая серая мышь, которая днем вздрагивает от каждого шороха, а по ночам видит его. В ее сновидениях нет места молитвам и аскезам, там живет лишь первобытный огонь желания и запретная жажда, обращенная к нему — монстру, пришедшему за её душой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Невинная для демона

Пролог

Тени сгущались между древних каменных стен, сливаясь с тишиной, что царила в монастыре Святого Пробуждения. Где-то за облаками пряталась луна, оставляя лишь серебристые блики на ступенях. Здесь, в этом забытом богом уголке мира, хранилось нечто бесценное — артефакт, о котором шептались даже в самых темных уголках преисподней.

«Слеза Луны».

Камень, способный в десятки раз умножить силу демона, в чьи руки он попадет. И теперь он, Каэл, стоял так близко к заветной цели, что почти чувствовал его сладкий, обжигающий зов.

— Где же ты прячешься, маленькое сокровище? — едва слышно прошелестел Каэл.

Монастырь не подпускал к себе чужаков. Его стены помнили времена, когда демоны и святые сражались за эти земли, и потому каждая трещина в камне была пропитана защитными заклятиями. Но Каэл не зря носил титул Мастера Иллюзий. Истинная форма была скрыта так глубоко, что даже самый прозорливый инквизитор не почуял бы в нем демона.

Он вошел в ворота под видом странствующего монаха —

высокий, статный, с лицом, скрытым глубоким капюшоном. Его руки, обычно заканчивающиеся смертоносными когтями, сейчас выглядели вполне человеческими, с длинными изящными пальцами.

— Благослови вас Свет, — смиренно склонил он голову перед старой настоятельницей.

Голос Каэла звучал так мягко и чисто, что даже ангелы могли бы обмануться, приняв его за одного из своих. Настоятельница лишь кивнула, не заметив, как на мгновение в глубине его глаз вспыхнуло алое пламя, жадное и насмешливое. Его впустили. Волк в овечьей шкуре переступил порог святыни.

Ночью, когда монастырь погрузился в сон, Каэл начал свою охоту. Он обыскал алтарь, едва сдерживая гримасу отвращения от близости святых реликвий. Заглянул в подземные хранилища, пропахшие сыростью. Но ничего не нашел. Даже тайная комната, скрытая за хитроумным плетением чар, оказалась разочаровывающе пустой.

Ничего.

Ни единого намека на "Слезу Луны".

Каэл стоял посреди молельных залы. Его золотые глаза медленно скользили по ставшему уже ненавистным пространству. Он изучил каждую трещину в древнем камне, каждую складку на одеждах безмолвной статуи Единого бога, застывшей в вечной медитации. Взгляд зацепился за тонкие палочки благовоний — они почти догорели, испуская

едва заметные струйки сизого дыма, который пах горькими травами и чужим смирением.

Три ночи. Три ночи изматывающих поисков. И все впустую!

Слеза луны была здесь. Он чувствовал ее сладкий, ядовитый зов каждой клеткой своей демонической сущности. Но где же она?

Каэл стиснул зубы. Он не мог уйти ни с чем.

Ярость подступала к горлу. Он сжал кулаки, и на мгновение тени вокруг него сгустились и поползли по стенам, словно живые. Он мог бы сравнять это место с землей. Мог бы выжечь его дотла адским пламенем и просеять пепел в поисках своего сокровища. Но такая грубая сила могла уничтожить и сам артефакт, чья природа до сих пор оставалась загадкой для Мира Теней.

Его взгляд, полыхающий от бессильного гнева, медленно пополз вверх по лестнице. Туда, в полумрак жилых покоев, где за тяжелыми дверями спали хранительницы этого святого места. Там их разумы, обнаженные, беззащитные и открытые, витали в зыбком царстве снов, не подозревая о присутствии хищника.

Если «Слеза Луны» отказывалась являться ему в грубом мире материи, значит, её след стоило искать в эфире. В лабиринтах чужих мыслей. В сокровенных воспоминаниях. В самых потаенных, запретных грезах тех, кто поклялся оберегать её до последнего вздоха.

Идея оформилась в его сознании мгновенно — темная и изощренная. Идея, достойная истинного демона, привыкшего брать то, что принадлежит ему по праву силы.

Уголки его идеальных губ дрогнули в подобии улыбки, лишенной всякой теплоты. Охота продолжалась. Но теперь поле брани менялось.

Он сделал шаг к лестнице, его плащ волочился по деревянным половицам, не производя ни звука. Впереди его ждали сны монахинь. А в них, он был в этом уверен, его ждала разгадка.

Глава 1

Следующие ночи Каэл посвятил новому, отвратительно-му для него ритуалу — вторжению в человеческие сны. Для демона его ранга это было унижительно, как для льва рыться в помойке. Но «Слеза Луны» того стоила.

Его сознание, острое как клинок, легко рассекало хрупкие покровы разума спящих монахинь. Он становился незримым свидетелем, вором, бродящим по лабиринтам их воспоминаний.

Сестра Агата, настоятельница, оставалась верна своему призванию даже в зыбком мареве сновидений. Каэл обнаружил её в молельной. Она стояла на коленях и с её бесцветных губ монотонным потоком срывались одни и те же беззвучные молитвы.

Каэл с растущим раздражением ворвался в её мысли, бесцеремонно перетряхивая их. Но там были лишь бесконечные ряды пыльных фолиантов, расписания служб и суровый долг, не оставлявший места для личных желаний.

Ни единого намека на «Слезу Луны».

Демон брезгливо оттолкнул ментальный образ старухи. Её святость горчила на языке привкусом дешевого вина, а предсказуемость вызывала лишь глухое желание поскорее покинуть этот скучный, серый мирок.

Послушница Мария, русоволосая и пухлощекая, видела себя ребенком в родной деревне. Она плакала во сне, отчаянно зовя умирающую мать. Ее разум пах молоком и детским страхом. Каэл, испытывая брезгливость, вышел из ее сна.

Одна за другой, женщины монастыря оказывались невыносимо скучны и предсказуемы. Их внутренний мир был выстроен из покаяния, страха перед гневом небесным и удушающего смирения. Ни единой искры истинной страсти, ни тени греховной тайны, ни единого шепота о «Слезе Луны».

Отчаяние начинало точить его изнутри. Может, он ошибся? Может, артефакта здесь и вовсе нет?

И вот, его внимание привлекла последняя дверь в самом конце коридора. За ней спала Лира. Самая юная, самая тихая из послушниц. Та самая, что днем опускала глаза и вздрагивала от любого звука.

Он нырнул в ее сознание и приготовился к очередной порции благочестивых скудных видений.

Но почему-то демон вдруг очутился в живописной, солнечной роще. Воздух тут был сладким, пьянящим, как незрелое вино. Где-то журчал ручей.

А в самом центре поляны, среди ковра из диких цветов, стояла девушка.

Это была Лира, но... не та, какой он ее запомнил в коридорах обители. Ее скромный серый наряд сменился легким белым платьем. Ткань струилась по телу, словно живая во-

да, бесстыдно обрисовывая каждый изгиб её стройного, девичьего стана. Волосы, днем стянутые в тугой узел и спрятанные под платком, рассыпались по плечам мягкими каштановыми волнами. Но больше всего Каэла поразили ее глаза. В них не было и тени страха. Они горели. Горели знакомым ему по тысячам соблазненных душ огнем, но в десятки раз ярче.

Внезапно Мастер Иллюзий ощутил странное чувство. Будто он был не незримым наблюдателем, а актером, вышедшим на сцену в заранее приготовленной для него роли.

— Ты наконец пришел, — ее голос был бархатным, словно мед.

Девушка двинулась к нему, бесшумно ступая босыми ногами по сочной, изумрудной траве.

— Я так долго тебя ждала, мой повелитель.

Каэл, демон-искуситель, мастер иллюзий и лжи, стоял, парализованный. Его острый разум, отточенный веками интриг, вдруг опустел. Вековая выдержка рассыпалась прахом. Он больше не управлял реальностью!

В этом чужом, залитом солнцем сновидении он перестал быть хозяином. Лишившись собственной воли, он стал игрушкой в девичьих руках.

Её пальцы, тонкие и уверенные, скользнули по его предплечью. Каэл вздрогнул: это не было смутным ментальным образом. Разряд дикой, необузданной энергии прошел кожу, заставляя демоническую кровь закипеть в жилах. Насто-

ящее, живое тепло.

«Почему я чувствую ее прикосновения, словно это просходит наяву?!»

— Ты такой красивый... — прошептала она.

В этом шепоте, порочном и невинном одновременно, таилась такая неистовая жажда, что у Каэла вдруг перехватило дыхание.

Влажные алые губы прикоснулись к его щеке, и по телу демона произвольно побежали мурашки.

Мурашки! Тьма их раздери!

Он видел сны грешников, сластолюбцев, развратников. Но он никогда не видел ничего подобного. Это была не похоть, не животный инстинкт. Это было... обожание. Поклонение, обращенное не к божеству, а к нему, существу из тьмы. И в этом был такой извращенный, такой пьянящий интерес, что Каэл на мгновение забыл, зачем пришел.

«Ты такой красивый...»

Эти слова, произнесенные той, кто должен был бы в ужасе отшатнуться от его истинной сути, звенели в его разуме, сметая все планы.

Он смотрел на ее губы, на доверчивый блеск в ее глазах, на тело, выгнувшееся в немом приглашении, и чувствовал не триумф охотника, а нечто совершенно новое, пугающее и сладкое.

Впервые за тысячелетия своего существования Каэл, демон-искуситель, был соблазнен.

Глава 2

Ее губы были мягкими, как лепестки сливы, и обжигающе теплыми. Прикосновение длилось мгновение, но оно оставило на его коже пылающий след. Каэл впервые за долгое время почувствовал себя уязвимым.

Он попытался вернуть контроль, рвануть на себя поводья ускользающей реальности, как делал это всегда. Его рука, та самая, что одним движением могла разорвать человеческую душу, поднялась, чтобы грубо оттолкнуть девчонку. Но воля подвела его.

Вместо удара пальцы почти благоговейно коснулись изящной линии её челюсти, а затем скользнули ниже, к трепетному, отчаянному биению пульса на тонкой шейке. Лира вздрогнула под его ладонью, как пойманная птица, но не отстранилась.

— Мой повелитель... — её прерывистый шепот опалил его кожу.

Она смело положила ладони ему на грудь. Сквозь тонкую ткань своего одеяния Каэл почувствовал жар, проникающий под ребра, прямо к его черному, заиндевевшему сердцу. Каждая клеточка его демонической сущности кричала об опасности, но его тело, обманутое иллюзией, отвечало ей мучительным огнем желания.

— Что ты со мной делаешь, маленькая ведьма? — прохрипел он, сам не узнавая собственного голоса, ставшего вдруг низким и надтреснутым.

Каэл медленно, почти не осознавая своих действий, провел кончиками пальцев по её щеке. Лира тут же доверчиво прижалась лицом к его ладони, как котенок, ищущий ласки.

— Я так боюсь... — выдохнула она.

Демон знал, что должен использовать этот страх. Увеличить его, превратить в оружие, заставить ее раскрыть свои тайны. Но вместо этого его рука сама скользнула вниз, обвиняя ее тонкую талию и притягивая к себе.

— Чего ты боишься, дитя? — он склонился к самому её уху. Его губы коснулись нежной кожи виска, вдыхая её аромат — пронзительно чистый, как первый весенний дождь, и пьянящий, как самый сладкий из смертных грехов.

— Что ты снова исчезнешь, — прошептала она.

Пальцы девушки судорожно вцепились в складки его одежды.

Он мягко схватил ее за волосы и наклонил голову назад, заставляя Лиру встретиться с его пылающим взглядом. Ее глаза были огромными, бездонными и полными отчаянной мольбы.

— Ты сегодня такой холодный... — её губы замерли в миллиметре от его собственных. Её дыхание, теплое и сладкое, опаляло его лицо, стирая последние границы между реальностью и наваждением. — Позволь мне согреть тебя, по-

велитель.

И прежде чем он смог ответить, ее руки обвились вокруг его шеи, и она притянула его к себе.

Поцелуй, обрушившийся на него, не имел ничего общего с робкой невинностью послушницы. Это было медленное, исследующее прикосновение, полное сдержанной власти. Она не спешила, пробуя его на вкус, изучая реакцию демона, привыкшего диктовать свои условия.

Каэл почувствовал, как что-то внутри него сломалось. Охотничий инстинкт, который всегда вел его, словно путеводная звезда, растворился в густом золотом мареве ее сна. Он, мастер иллюзий, оказался пойман в самую совершенную из них.

Ее пальцы вплелись в его волосы. Голова у демона закружилась сильнее, чем от самого крепкого вина.

Она целовала его, глубже, настойчивее, требовательнее. Пила его как нектар. И Каэл вдруг почувствовал, как невольно отвечает ей, как его собственные руки прижимают к себе ее гибкое, податливое тело.

Каэл провел языком по лепесткам ее губ, задыхаясь от их сладкого вкуса. Золотую радужку его глаз затопила тьма. Ощущение её близости сводило с ума, выжигая дотла вековую выдержку. Рядом с этой хрупкой смертной он забыл, кто он. Забыл, зачем пришел. Лишь сильнее вжимал в себя девочку, жадно проникая языком в ее рот.

Он был демоном. Он был тем, кто сеял семена искушения

в душах праведников. Но здесь, в кольце её рук, роли поменялись с пугающей легкостью. Теперь искушали его. Он стал жертвой.

Охотник попал в капкан. И самое ужасное было то, что он больше не хотел из него вырываться.

Последующие сутки Каэл провел в неестественной для демона прострации. Он неподвижно сидел в своей аскетичной келье, точно изваяние из мрамора, уставившись в стену. Но перед мысленным взором он видел лишь полыхающий взгляд Лиры. Эхо её прерывистого шепота жгло его изнутри ядовитым клеймом сильнее любого адского пламени.

Это было неправильно. Противоестественно. Он — хищник. Она — добыча. Ее роль — бояться, бежать, пытаться молиться. Ее разум должен был быть скучным полем битвы между грехом и добродетелью, которое он мог бы с легкостью пройти, как выжженную пустыню. Вместо этого Каэл наткнулся на цветущий, пышный сад, полный запретных плодов, истекающих сладким соком. И самое унижительное: великий искушитель сам едва не превратился в того, кого соблазняют.

Вчера он сбежал. Трусливо и позорно, словно был не древним демоном, а юнцом, впервые увидевшим обнаженное женское плечо.

Недоумение, терзавшее его с рассвета, медленно переплавлялось в обжигающую ярость. А та, в свою очередь, кристаллизовалась в холодное любопытство.

Кто она такая на самом деле? Какая сила таится за этой маской смиренной послушницы? И почему — во имя всех кругов бездны — эта девчонка имеет над ним такую пугающую власть?

Глава 3

Следующей ночью он снова вошел в ее сон. На этот раз Каэл не врывается в её сознание, подобно урагану, а просочился внутрь бесплотной тени. Он замер на самой периферии, скрытый в густых изумрудных сумерках её подсознания, стараясь не выдать своего присутствия ни единым ментальным колебанием.

Ее мир был детализирован до безумия. Он чувствовал тепло ласкового солнца на своей коже, вдыхал аромат экзотических цветов, слышал шелест листьев.

И в центре этого сияющего мира была она.

В фантазиях Лиры он был другим. Его хищные демонические черты смягчились, став порочно-благородными; черные, как смоль, волосы рассыпались по плечам, а золотые глаза светились не яростным адским пламенем, а загадочным, манящим светом далеких звезд. Для неё он не был монстром, пожирающим души. Он был таинственным незнакомцем, возлюбленным, героем древней саги.

Затаив дыхание, Каэл наблюдал, как Лира счастливо бежит навстречу его отражению. Он видел, как его собственный образ в её сне подхватывает её, кружа в объятиях. Пальцы девушки с нежностью скользили по воображаемой спине «Повелителя», она прижималась к нему так доверчиво и

ласково, словно искала спасения от всего мира.

Сны Лиры были тактильными, пропитанными откровенным, тягучим эротизмом, которого Каэл никак не ожидал встретить в стенах святой обители.

Он наблюдал из тени, как его двойник медленно опускает девушку на ковер из лепестков цветов. Каэл чувствовал то же, что и его проекция: атласную гладкость её кожи, податливость тела, которое выгибалось навстречу.

Лира сама потянулась к воображаемому «Повелителю», её пальцы с лихорадочной поспешностью распутывали шнуровку его брюк. В каждом её движении была такая первобытная, не знающая преград страсть, что у настоящего Каэла перехватило дыхание. Он видел, как она откидывает голову, подставляя изящную шею под жадные поцелуи его тени, и слышал её прерывистые, рваные стоны.

Тонкая ткань её белого платья соскользнула с плеч, обнажая молочную белизну кожи, по которой рассыпались волнистые каштановые локоны. Каэл замер, не в силах отвести взгляд. Его двойник ласкал её — медленно, до изнеможения, исследуя пальцами каждый изгиб, каждую впадинку её тела, а Лира отвечала с такой неистовой отдачей, будто стремилась раствориться в демоне, впустить его под самую кожу.

В момент, когда их тела сплелись в едином порыве, Каэл ощутил мощный энергетический всплеск. Он чувствовал её наслаждение как свое собственное: жгучее, острое и сладкое. Её бедра плотно обхватили талию его проекции, а ног-

ти впились в спину, оставляя призрачные следы, которые настоящий демон ощутил на своей собственной коже.

— Мой... только мой... — сорвалось с её губ вместе с хриплым выдохом.

Каэла накрыло волной чужой, запредельной страсти. Его золотые глаза вспыхнули тьмой, а пальцы в реальности впились в изголовье кровати, кроша дерево в пыль.

Он тяжело дышал, чувствуя, как по телу прокатываются отголоски её экстаза, выжигая всё его холонокровие. Каждая мышца демона была напряжена до предела, словно он сам только что прошел через это неистовое слияние. Образ Лир — разметавшиеся волосы, запрокинутая голова и влажный блеск на губах — отпечатался на сетчатке его глаз, не желая исчезать.

Лира двигалась под ним — под своим воображаемым повелителем — с грацией дикой кошки. Её тело жило собственной жизнью, инстинктивно находя ритм, который заставлял стоны срываться с её губ всё чаще, всё отчаяннее.

Его двойник склонился к её груди, сжимая губами набухший сосок, и Лира выгнулась дугой, вцепившись пальцами в его волосы.

— Ещё... — выдохнула она, обжигая шепотом. — Не останавливайся, прошу...

Он не мог остановиться. Даже если бы захотел.

Его воля, его хваленый контроль, отточенный столетиями интриг, рассыпался в прах под напором её желания. Каэл

шагнул ближе к границе тени, туда, где иллюзия почти сливалась с реальностью. Ещё миг — и он готов был вышвырнуть её творение и занять его место.

Но вдруг сквозь эту завесу страсти, сквозь жар и стоны, он начал замечать иное.

На стволах деревьев, окутанных золотым маревом, проступили незнакомые ему руны, светящиеся изнутри древним серебром. В журчании ручья теперь слышался не просто плеск воды, а низкий, вибрирующий гул — глубокий и мелодичный, похожий на заклинание, создававшее саму ткань бытия. В моменты наивысшего напряжения, когда тело Лир содрогалось в экстазе, по краям её сознания пробегала дрожь, и на мгновение Каэлу казалось, что он видит сквозь декорации сна очертания, сияющего кристалла.

И тогда он почувствовал это.

Не просто отголоски магии, а саму Силу. Она исходила от нее, от самой Лир, как тонкий аромат лотоса, который нельзя было ни с чем спутать. Та самая сила, которую он искал. Она не была спрятана в тайнике. Она была в ней. Пульсировала в такт биению ее сердца, пела в ее дыхании, светилась в глазах.

«Слеза Луны» не была камнем. Она была живой. И она была частью этой девушки.

Каэл рывком вышел из ее сна. Его разум, еще мгновение назад тонувший в золотом мареве, теперь бурлил. Первоначальное замешательство, едва не стоившее ему гордости,

окончательно выветрилось, уступив место холодной ясности.

Охота была окончена.

Ему больше не нужно было рыскать по монастырским схранам, перетряхивать пыльные манускрипты или вскрывать полы под алтарем. Судьба преподнесла ему дар куда более интересный подарок.

Артефакт не был вещью. Добычей станет сама Лира. Ее душа, ее тело, ее разум и та сила, что с ними срослась.

Чтобы выпить эту силу до капли, ему придется завладеть девчонкой без остатка. Стать её богом, её господином, её единственным смыслом — и в тот момент, когда она окончательно растворится в нем, он заберет всё.

Демон подошел к окну и всмотрелся в густую бархатную ночь. Впервые за долгие, скучные столетия он почувствовал, как в груди разгорается давно забытый азарт хищника.

Губы Каэла тронула едва заметная усмешка.

Игра начинается.

Глава 4

На следующий день Каэл нашел Лиру в библиотеке.

Между стеллажей он увидел ее хрупкий силуэт. Она стояла на цыпочках, пытаясь достать с верхней полки тяжелый фолиант. Луч слабого света из узкого окна падал на ее тонкую шею и безупречно гладкий пробор под белым наметом. Картина была настолько благочестивой, что вызывала тошноту.

Но теперь он знал, что скрывается за этим смиренным обликом. Знал, как пахнет ее кожа, когда на ней выступает испарина страсти. Знал, какие стоны срываются с этих чувственных губ, когда они не шепчут молитвы.

Каэл подошел бесшумно, словно тень. Длинные пальцы коснулись корешка книги над ее рукой. Девушка тут же вздрогнула, как испуганная птичка. А затем резко обернулась, едва не задев его грудь.

Прижатая к стеллажу его внезапной близостью, она замерла.

Их взгляды встретились.

В её огромных глазах, отливавших темным изумрудом, сейчас не осталось и следа того порочного пламени, что сжигал её в саду сновидений. Там была лишь бесцветная муть страха.

Осознав, что непозволительно долго вглядывается в лицо мужчины, Лира тут же испуганно опустила ресницы. Она склонила голову в том покорном, заученном жесте, который Каэл привык видеть у всех послушниц монастыря.

— Брат Элиан, — ее голос был тише шелеста страниц. — Простите, я не слышала, как вы подошли.

Каэл не сводил с неё глаз, изучая каждую черточку лица.

— Возьмите, — произнес он необычайно мягко, протягивая ей тяжелый фолиант.

Лира несмело потянулась к книге.

Пальцы девушки, забирая тяжелый том, на мгновение коснулись его кожи.

Она тут же испуганно отдернула руку, будто обожглась о раскаленное железо. По шее и щекам разлился яркий румянец.

Каэл почувствовал странное, едкое удовлетворение. Вот она — трещина. Он протянул ей книгу, заставляя принять дар.

— Вы часто здесь бываете, сестра Лира? — спросил он бархатистым голосом.

— Я... я прихожу сюда каждый день, — ответила она, не смея поднять глаз. — Чтобы читать наставления святых и истории их праведной жизни.

— Вот как? — он наклонился чуть ближе, понизив голос до интимного полусшепота. — А мне показалось, вы предпочитаете... куда более яркие сюжеты. Особенно по ночам, в

своих снах.

Эффект от его слов превзошел все ожидания.

Румянец в секунду сошел с её лица, сменившись мертвенной бледностью. Её глаза, широко распахнутые от ужаса, на мгновение встретились с его взглядом. И Каэл увидел в них не просто девичий стыд, а панический, всепоглощающий страх существа, чей самый грязный и сокровенный секрет внезапно раскрыли.

— Я не... я не понимаю, о чем вы говорите! — вырвалось у неё, резко, почти выкриком. — Мои сны - это лишь грехи, и я молюсь, чтобы избавиться от них.

Лира резко выхватила тяжелый фолиант из его пальцев, прижав его к груди, словно этот кусок пергамента мог защитить её от дьявола, стоящего напротив.

— Мне пора. Я должна... мне нужно идти!

И она почти побежала, спотыкаясь о длинный подол своего серого платья.

Каэл не стал ее удерживать. Он остался стоять среди стеллажей, наблюдая, как ее фигура скрывается в полумраке коридора.

Контраст между реальностью и сном был просто поразительным. Та, что во сне обвивала его шею и шептала ему о его красоте, наяву готова была умереть от стыда при одном лишь намеке.

— Что ж, маленькая ведьма... — Каэл медленно поднес к лицу руку, которой только что касался её пальцев, и вдохнул

едва уловимый аромат лотоса. — Это будет определенно интереснее, чем я ожидал.

Лира

Библиотека всегда была моим любимым местом. Мне нравилось приходить сюда с самого утра и засиживаться допоздна, когда свет единственной свечи выхватывал из темноты лишь несколько дюймов пожелтевшей страницы. Я любила проводить пальцами по кожаным переплетам, любила запах книг — терпкий, чуть сладковатый, с горчинкой вековой пыли, въевшейся в каждую страницу. Здесь, в этом полумраке, в этой благословенной тишине, нарушаемой лишь шелестом бумаги и далеким боем колокола, мне было уютно, как ребенку в материнских объятиях.

Я потянулась к верхней полке, пытаюсь ухватить кончиками пальцев тяжелый корешок «Сказаний о Первородном Свете». Но стоило мне приподняться на цыпочки, как солнечный луч, бивший из окна, внезапно померк. Над моей головой, точно грозное облако, возникла высокая тень.

— Позвольте, — раздалось над самым ухом.

Голос был низким, обволакивающим, как дорогой бархат. И до жути, до дрожи в коленях знакомым. По моей спине пробежали мурашки, а сердце забилося где-то в горле.

Я резко развернулась, едва не выронив книгу, которую он уже успел подхватить.

Передо мной стоял брат Элиан. Странствующий монах и наш новый переписчик, прибывший в обитель лишь несколько дней назад.

Каждый раз, когда я волею случая сталкивалась с ним взглядом, внутри меня что-то обрывалось и летело в пропасть. Мне становилось не по себе — так, будто я стояла на краю высокой скалы в шторм.

Его взор... он был невыносим. Брат Элиан заставлял меня чувствовать себя почти обнаженной. И это не было физическим бесстыдством. Нет, всё было гораздо хуже. Казалось, одним лишь движением своих глаз он бесцеремонно срывал с моей души все покровы, выставя напоказ то, что я скрывала даже от самой себя под долгими часами молитв.

Но самым страшным было другое. До дрожи в коленях, до дурноты он был похож на *него*. На того призрачного властелина из моих грешных ночных видений, которому я отдавалась каждую ночь со всем пылом искушенной грешницы. Сходство было настолько явным, что мне хотелось закричать и бежать прочь, не оглядываясь.

Я скользнула взглядом по его лицу, ища отличия — и не находила их. Тот же разлет темных бровей, та же четкая, словно выточенная из бледной слоновой кости, линия скул. Губы, замершие в едва заметной улыбке. Черные волосы, стянутые в тугий узел. И глаза — два искристых янтаря, зата-

гивающих в свой омут.

Я опустила глаза, чувствуя, как по щекам разливается предательский жар.

— Брат Элиан... Простите, я не слышала, как вы подошли, — прошептала я, надеясь, что стук моего сердца не разносится эхом по всей библиотеке.

Он стоял слишком близко. Я кожей ощущала исходящее от него тепло, и эта близость путала мысли, лишая меня привычного самообладания.

— Возьмите, — он протянул мне фолиант.

Я несмело протянула руку, надеясь быстро забрать книгу и скрыться. Но вдруг мои пальцы нечаянно коснулись его руки.

Меня словно ударило разрядом молнии. Острая, пугающе сладкая вспышка прошла всё тело.

Я испуганно отдернула руку и вжала голову в плечи, будто совершила страшное преступление.

— Вы часто здесь бываете, сестра Лира?

Он произнес мое имя, и оно прозвучало на его языке как нечто интимное.

Я судорожно сжала во взмокших ладонях грубую ткань своего одеяния, пытаясь обрести опору.

— Я... я прихожу сюда каждый день, — ответила я, заставляя свой голос звучать ровно. — Чтобы читать наставления святых и истории их праведной жизни.

— Вот как? — мне вдруг почудилось, что в его голосе про-

скользнула тонкая тень насмешки.

Внезапно брат Элиан наклонился ко мне ближе и прошептал:

— А мне показалось, вы предпочитаете... куда более яркие сюжеты. Особенно по ночам, в своих снах.

От этих слов во мне все оборвалось.

Сны.

Воздух перестал поступать в легкие. Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Перед глазами проплыли обрывки тех самых видений: солнечная поляна, сильные руки на моей коже, властные губы...

«Нет! — закричал мой разум. — Этого не было! Это лишь дьявольские искушения, морок, призванный погубить мою душу!»

— Я не... я не понимаю, о чем вы! - мой голос разорвал благоговейную тишину библиотеки. — Мои сны - это лишь грехи, и я молюсь об избавлении от них!

Его спокойный, всевидящий взгляд прожигал меня насквозь. Он знал. Я не понимала, как такое возможно, но он смотрел на меня так, будто был там, в моих самых постыдных фантазиях.

Откуда он знает? Неужели моя порочность стала настолько явной, что её видит каждый встречный?

Меня охватил ледяной страх.

Я выхватила книгу из его рук.

— Мне пора. Я должна... мне нужно идти! — быстро бро-

сила ему что-то невнятное.

И тут же побежала прочь, чувствуя, как взгляд брата Элиана жжет мне спину.

Глава 5

Слова древних молитв монотонным гулом срывались с моих губ. Но они не приносили облегчения. Я до боли впивалась пальцами в пожелтевшие страницы фолианта, отчаянно пытаюсь выжечь, вытравить образ, намертво отпечатавшийся на внутренней стороне моих век. Янтарные глаза. Уверенные руки. Шепот, от которого закипала кровь.

«О, святые, помогите мне избавиться от нечистых помыслов...» — шептала я, но вместо святого лика передо мной возникала его дерзкая улыбка.

Именно в этот миг свеча на подоконнике внезапно погасла, будто ее кто-то задул. Лунный свет, заливший было комнату серебром, померк, накрытый стремительной тенью. Воздух сгустился, наполнился ароматом терпкого сандала и свежестью грозы.

Я медленно обернулась.

И вскрикнула.

Он стоял в двух шагах от меня.

— ...Брат Элиан? Что... Что вы здесь делаете?!

Вместо ответа он хищно усмехнулся. В полумраке опасно блеснули острые клыки.

Холодный ужас накрыл меня с головой.

Нет, это не был святой монах. Передо мной стоял ожив-

ший кошмар из моих самых сокровенных, самых греховных снов.

Он казался невероятно высоким, могущественным, заполняющим собой всё пространство моей крошечной кельи. Длинные черные волосы струились по плечам, обрамляя бледное, точно выточенное из лунного света лицо, а из-под темных прядей выглядывали острые, чуть вытянутые уши. Его кожа отливала холодным мерцанием, а за широкими плечами колыхались огромные черные крылья с коготками, как у летучей мыши.

— Э-этого не может быть... — голос не слушался, стал тонким и поломанным.

Все тело окаменело.

Его губы вновь растянулись в ухмылке, лишенной всякой человечности. Это был настоящий оскал хищника.

— Почему? Ты же так радовалась мне во сне, Лира. Звала меня. Ждала.

От страха я не чувствовала ног. Сердце колотилось где-то в горле.

— Это все это не по-настоящему! — выдохнула я, отчаянно цепляясь за остатки рассудка. — Ты лишь плод моего воображения!

Он сделал шаг вперед, и я отпрянула, прижавшись спиной к холодной стене.

Наслаждаясь моим страхом, демон медленно подошел ко мне.

— Разве есть какая-то разница, реально это или нет? — он наклонился к моему лицу, так что я почувствовала его обжигающее дыхание на своих губах. — Важно лишь то, что твое тело всё помнит. Оно скучает по мне. По моим рукам. По моим прикосновениям.

И прежде чем я смогла позвать на помощь, его рука с длинными, острыми когтями впилась в мой подбородок. Он грубо задрал мою голову, заставляя заглянуть в пылающие золотые глаза. Боль смешалась с шоком.

— Нет... — успела выдохнуть я.

А следом демон впился губами в мои губы.

Этот поцелуй не имел ничего общего с теми томительными, дурманыщими ласками, которыми он искушал меня в сновидениях. То был не акт любви и даже не вспышка страсти. Это было завоевание. Наказание. Вторжение.

Его губы были обжигающими и безжалостными. Язык ворвался в мой рот, подавляя любое сопротивление.

Я отчаянно уперлась ладонями в его грудь, пытаюсь оттолкнуть это воплощение тьмы, но с тем же успехом я могла бы пытаться сдвинуть с места гранитную скалу. Он даже не заметил моих жалких усилий. Одним резким движением он перехватил оба моих запястья, сжал их в своем кулаке и вскинул над моей головой, еще сильнее вжимая меня в холодную, шершавую кладку стены.

Он вкушал меня, поглощал, стирая грань между болью и тем странным, предательским трепетом, что начал разли-

ваться по моим жилам вопреки воле и страху.

Тело, обманутое знакомостью этого кошмара, начало предавать меня. По спине пробежали мурашки, внизу живота вспыхнул тот самый предательский жар, который я знала по своим снам.

Я хотела его. О, Единый, прости меня, я хотела его.

Стыд, жгучий и ядовитый, затопил мое сознание.

Как я могла? Послушница святой обители, отдавшая себя служению Свету — я стояла, прижатая к стене демоном, и мое тело таяло от его прикосновений. Я не отталкивала его по-настоящему. Я не кричала. Я не звала на помощь.

Я тонула в нем. Тонула в этих порочных ощущениях, оскверняя свою душу.

Слезы выступили на глазах. Я ненавидела себя. Ненавидела его. Ненавидела эту проклятую слабость, что распускалась внизу живота ядовитым цветком.

Мое тело словно не принадлежало мне, предательски выгибаясь навстречу обжигающим прикосновениям демона.

Он наконец перестал терзать мои губы. Горячее дыхание оседало на коже, заставляя меня дрожать.

— Видишь? — в его голосе звучала торжествующая жестокость. — Твое тело честнее твоих молитв. Оно признает своего господина.

Я попыталась вырваться, дернулась всем телом, но хватка была стальной. Ноги дрожали, я с ужасом осознала: это не от страха. Сквозь оцепенение, сквозь стыд и ненависть

пробивалось отвратительное, запретное возбуждение, которое ядом разливалось по венам, плавя остатки моей воли.

— Отпусти меня! — взмолилась я.

Демон лишь усмехнулся. Провел кончиками пальцев по моей шее, легко скользя по коже острыми коготками, но не причиняя вреда.

— Но ведь это ты звала меня, маленькая святоша, — бархатисто прошептал он. — Ты сама открыла дверь, приглашая меня в свои сны. А теперь, когда я пришел, ты смеешь отречься от своего желания?

Он снова приблизил свое лицо к моему. Я зажмурилась, ожидая нового насилия. Но вместо этого его губы коснулись моей шеи, чуть ниже уха. Прикосновение было таким же горячим, но теперь в нем была странная, почти ласковая нотка, которая пугала еще больше грубостей.

— Ты не можешь отрицать то, что чувствуешь, — прошептал он, голос снова стал обволакивающим, соблазняющим. — Не можешь спрятаться от самой себя.

Я чувствовала, как воля тает под напором его слов и прикосновений. Я ненавидела это чувство. Презирала свою слабость.

Но где-то в самой глубине души, под тяжелыми слоями страха и стыда, жадно теплилась искра того самого темного огня, что сжигал меня в моих снах. И этот огонь тянулся к нему, признавая в нем свою погибель.

— Не лги хотя бы себе. Ты мечтаешь обо мне каждую

ночь, маленькая монашечка.

Глава 6

— Ты мечтаешь обо мне каждую ночь, маленькая монашечка.

Его слова повисли в воздухе, густые и тягучие, как мед. Они звучали не как обвинение. Скорее, как констатация давно известного ему факта.

Он наконец разжал пальцы, освобождая мои запястья.

Его рука, удивительно изящная для существа такой пугающей силы, медленно поднялась к моему лицу. Кончики его пальцев едва коснулись моей щеки — прикосновение было почти невесомым, призрачным, но оно обожгло меня сильнее раскаленного железа.

Я вздрогнула всем телом, чувствуя, как по венам прокачивается электрический разряд. Разум требовал: «Оттолкни его! Беги! Зови на помощь!», но руки безвольно повисли вдоль тела, лишённые воли.

— Я... я не должна... — голос был тихим, поломанным, полным отчаяния. — Это грех...

Это была моя последняя шаткая плотина, которую я пыталась возвести против нахлынувшего чувства.

Демон наклонился чуть ближе. Его теплое дыхание овеяло мое лицо.

— Но хочешь? — искушающе спросил он.

Я не ответила. Не смогла. Любое слово, даже «нет», стало бы ложью, которую он тут же разглядел бы в глубине моих глаз.

Мои пальцы предательски дрожали. Грудь часто и рвано вздымалась под грубой тканью монастырского платья, которое теперь казалась невыносимо тесным. Глаза, широко раскрытые от первобытного ужаса и тайного влечения, были прикованы к его горящему золотому взгляду, точно у маленького кролика, замороженного змеей.

Он долго вглядывался в мое лицо, словно видел перед собой нечто весьма любопытное. А затем неожиданно отпустил меня и отступил на два шага.

Лишившись его поддержки, я почувствовала, что ноги меня больше не держат. Колени подогнулись, и я беспомощно сползла по шершавому камню стены, осев на холодный пол.

Всхлипнула, один раз, затем второй. И сама не заметила, как по щекам покатились слезы, смешиваясь с привкусом его поцелуя на моих припухших губах.

Демон медленно, с кошачьей грацией присел передо мной на корточки. Его огромные крылья заполнили всё пространство, отсекая меня от остального мира. Почти нежным, вкрадчивым жестом он смахнул слезинку с моей щеки.

Его голос прозвучал как неизбежное проклятие:

— Скоро, ты перестанешь бояться меня.

А затем поднялся.

— До скорой встречи, Лира.

И, развернувшись, он ушел, растворившись в тенях.

Я осталась одна в холодной лунной мгле.

Сидя на коленях, я всхлипывала, прижимая ладонь к губам, которые всё еще хранили вкус летней грозы и первородного греха.

Последующие дни стали для меня одним бесконечным, изматывающим кошмаром. Я молилась до хрипоты, истязала себя аскезами, постилась до головокружения. И все это лишь бы выжечь из себя память о том сне...

Или это был не сон?

Дрожащими руками я сжимала четки, гадая: действительно ли демон явился за моей душой, или я сама породила его из собственного безумия?

Я плакала, забившись в угол кровати, чувствуя себя самой грязной и падшей из всех живущих на земле. Каждое утро я умоляла Свет о милости и прощении за то, что осквернила свой разум.

Но чем отчаяннее я взывала к небесам, тем ярче и наглее в памяти вспыхивали запретные образы. Жар его прикосновений, который, казалось, всё еще тлел под кожей. Его шепот, проникающий в сознание. Обжигающие губы и терпкий, сводящий с ума вкус его поцелуя.

Я пыталась отгородиться священными текстами, но слова

расплывались, а в ушах звенел насмешливый голос: «А мне показалось, вы предпочитаете более яркие сюжеты».

Стыд сжигал меня изнутри, точно медленный яд. Я была осквернена. И самым страшным было понимание, что осквернил меня не он своим присутствием, а мой собственный разум, который вновь и вновь возвращал меня в тот момент, заставляя сердце биться в предвкушении гибели.

В эту ночь я сидела на жесткой кровати и шептала молитвы, когда свеча у изголовья вдруг снова погасла.

Я медленно, чувствуя, как все цепенеет внутри, подняла голову.

Прежде чем я успела издать хотя бы звук, тень в углу кельи сгустилась, обретая плоть.

И я снова увидела его.

Это был определенно не прекрасный незнакомец из моих грез и не монах из библиотеки.

Сердце бешено заколотилось под ребрами.

«О, святые, неужели это происходит наяву? Неужели это не морок, не безумный сон?»

Тень за спиной демона жила собственной жизнью, извиваясь щупальцами мрака. В глазах пылало настоящее адское золото, а в полутьме, когда его губы искривились в хищном оскале, явственно блеснули острые клыки.

Сегодня за его плечами не было огромных крыльев, зато черные, как сама бездна, волосы были распущены и густыми волнами струились по широким плечам.

На этот раз демон не позволил мне отдалиться или упасть на колени. В одно мгновение он оказался передо мной. Горячие, сильные руки обхватили мою талию, прижав меня к своей крепкой груди.

Губы демона, обжигающие и мягкие, коснулись мочки моего уха.

— Я не причиню тебе боли... — его шепот был подобен яду, медленно просачивающемуся в разум, — ...если ты сама об этом не попросишь.

Я зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли цветные пятна. Я отчаянно пыталась убежать, скрыться от его околдовывающего, золотого взгляда, но убежать от собственных ощущений было невозможно. Моя плоть узнавала его, тянулась к нему, игнорируя страх.

Его губы медленно, чувственно скользнули вниз, от уха к шее, к тому самому месту, где в панике бился мой пульс. Прикосновение было влажным и горячим. Я почувствовала, как по телу разливается истома. А затем вдруг ощутила легкий, острый укол — не боли, а чего-то дразнящего, щекочущего. Его клыки.

Тихий стон сорвался с моих губ.

Этот звук, полный постыдного наслаждения и непроизвольного, животного трепета, вырвался помимо моей воли, обнажая мою слабость. Руки бессильно уперлись в широкую грудь.

— Так... нельзя... — прошептала я в безумной надежде,

что слова вернут мне власть над собой. Но это был уже не протест, а жалкая мольба, обращенная к самой себе, к нему, к Единому, который, казалось, навсегда отвернулся от меня.

— Но тебе ведь нравится? — он не отрывал губ от моей кожи, опаяя шею горячим дыханием, от которого по всему моему телу, до самых кончиков пальцев, рассыпались мурашки.

Его ладонь медленно скользнула вниз по моей спине, властно обводя изгиб талии, и вдруг неожиданно проникла под грубую шерсть монастырского платья.

Прикосновение горячих пальцев к обнаженному бедру отозвалось во мне подобно удару молнии.

Я вскрикнула от шока.

Инстинкты кричали, чтобы я бежала, оттолкнула это порождение бездны, но ноги были как ватные, а в жилах струился расплавленный свинец.

Я застыла в его руках, оцепенев от собственного бессилия. Это была полная, постыдная капитуляция. Я больше не могла бороться. Плотно зажмурив веки, я позволила себе сделать этот шаг и упасть в разверзнувшуюся бездну тьмы.

Его губы жадно исследовали шею и ключицы, кусали и ласкали нежную кожу, пожирали каждый мой судорожный вздох. Демон целовал меня так, будто намеренно отравлял, вливая в меня яд сладострастия капля за каплей, превращая мою веру в пепел.

А его пальцы, о, святые... его пальцы стали проводниками

в мир, о существовании которого я, невеста Света, даже не подозревала. Мир, где боль и экстаз сливались в одно неразрывное целое.

Его рука медленно скользила по моему бедру, к внутренней поверхности, где кожа была особенно нежной и чувствительной. Каждое движение было выверенным, каждое прикосновение — обещанием и угрозой одновременно. Он не спешил, намеренно заставляя прочувствовать каждый миг моего падения, каждую частицу нарастающего во мне напряжения.

Он находил места, о существовании которых я и не подозревала, и заставлял меня трепетать от прикосновений, вызывая тихие всхлипы.

В этом бушующем океане наслаждения я окончательно забыла о Едином боге. Весь мой мир, всё мое мироздание сузилось до его горячих рук на моей коже, до жгучего, почти невыносимого ожидания того, куда он поведет меня дальше. Я тонула в этом хаосе, разрываясь между ледяным ужасом и неистовой, голодной жадью продолжения, которое должно было стать моим концом.

Под его искусными пальцами я плавилась, точно воск храмовой свечи, забывая, где кончается мое тело и начинается его тьма. Каждое движение демона было наполнено хищной грацией и глубоким знанием моих сокровенных слабостей.

— Смотри на меня, Лира, — приказал он, и я, не в силах сопротивляться, распахнула глаза.

Он навис надо мной, закрывая собой весь мир, и в золоте его глаз я увидела свое отражение — растрепанную, с пылающими щеками и затуманенным взглядом.

Его рука, скользнувшая к самому средоточию моего жара, замерла на мгновение, прежде чем подарить мне новое, пугающее откровение.

Пальцы демона проникли внутрь, и я выгнулась, впиваясь ногтями в его плечи. Горло сдавило коротким, надрывным криком, который он тут же поймал своими губами, превращая его в глубокий, собственнический поцелуй. Это было невыносимо: острое, почти болезненное удовольствие прошило меня насквозь, заставляя бедра невольно двигаться в такт его движениям.

Он резко отстранился от моих губ, позволяя моему протяжному стону разрезать тишину кельи. Я металась в его руках, охваченная неведомым ранее пожаром, который с каждой секундой становился всё невыносимее.

— Твое тело жаждет большего, чем просто спасения, — его низкий голос проникал в самую суть моего естества. — Ты чувствуешь, как в тебе умирает монахиня и рождается женщина?

Пальцы демона продолжали свой размеренный, сводящий с ума танец, исследуя меня, заставляя содрогаться в его объятиях. Каждый раз, когда я думала, что больше не выдержу, он замедлялся, дразня, доводя до предела.

Я вцепилась в его плечи, чувствуя под пальцами твердость

его мышц. Голова кружилась, а мир за пределами этой комнаты перестал существовать. Не было больше ни обетов, ни святой обители, ни Единого бога — только этот демон и та сокрушительная лавина ощущений, которую он вызывал во мне.

Его губы вновь прижались к моей шее. Он жадно вдохнул мой запах.

— Я мог бы взять тебя сейчас, Лира, — прошептал он. — Мог бы разрушить твою чистоту и забрать то, что ты так бережешь. Но я хочу, чтобы ты сама умоляла меня об этом. Я хочу, чтобы ты проклинала тот день, когда решила посвятить себя Свету.

Он усилил напор, его движения стали более глубокими и настойчивыми. Вспышка ослепительного удовольствия, похожая на электрический разряд, прошла мой позвоночник. Я выгнулась дугой, закусив губу до крови, чтобы не закричать. Это было похоже на падение в бездонную пропасть, где вместо смерти меня ждал ослепительный, невыносимый восторг.

Волна экстаза накрыла меня, вымывая из сознания последние крупинцы разума. Я содрогалась в его руках, чувствуя, как внутри всё завязывается в тугий узел и рассыпается миллионами искр. Когда дыхание начало возвращаться ко мне, я поняла, что лежу в его объятиях, полностью опустошенная, а он смотрит на меня с той самой жестокой, торжествующей улыбкой.

Демон так и не взял мою невинность, но он забрал нечто гораздо более важное — мою преданность небесам.

Глава 7

Первые рассветного лучи солнца прокрались в келью, заливая светом голые стены и деревянные половицы. Я лежала на своей узкой кровати, невидящим взором уставившись в потолок. Тело было тяжелым, чужим, будто налитым свинцом. Воздух в комнате казался спертым, удушливым, пропахшим грехом и едва уловимым ароматом сандала, что всегда витал вокруг демона.

Он исчез с последней тенью ночи, растворился, как кошмар. Но кошмары заканчиваются с рассветом. А мой — нет.

Я медленно подняла дрожащую руку и коснулась шеи. Кожа там была чувствительной и воспаленной. Напоминание о том, что все произошло в реальности.

«Не было. Этого не было. Это было испытание, морок, посланный дьяволом...»

Я пыталась молиться. Шептала знакомые слова, вцепившись в одеяло, словно в спасительную соломинку. Но молитвы рассыпались в прах, не долетая до небес. Они разбивались о память моего тела, о жгучий, ядовитый стыд и ту предательскую волну тепла, что всё еще пульсировала в жилах.

Я зажмурилась, но темнота не принесла спасения. Перед глазами всплыл его образ — не демонический облик монстра, а тот образ из моих грез, что стал мне так пугающе бли-

зок: золото глаз, в которых плавилось солнце, и тонкая, почти нежная улыбка.

По щекам потекли слезы, но на этот раз они были тихими, безнадежными. Я плакала не от страха, а от осознания. Осознания того, что я сломлена.

Повернувшись на бок, прижалась лбом к холодной каменной стене. И тут, в самой глубине моего существа, под всеми слоями стыда и отчаяния, шевельнулось нечто темное и непроизвольное.

Ожидание.

Острый, колющий шип. Мысль, от которой кровь бросилась в лицо, а сердце забилося чаще: «А когда он вернется?»

Я в ужасе попыталась отшвырнуть эту мысль из головы, заковать ее в кандалы новых молитв, заглушить покаянием. Но семя уже было посеяно. Оно мгновенно пустило глубокие, цепкие корни в моей растоптанной воле, прорастая сквозь трещины в душе черными ядовитыми цветами.

Самое страшное было не в том, что он пришел. Не в том, что он сотворил со мной. Самое страшное таилось в тишине кельи, в пустоте, которую он оставил после себя. И в том, как все мое существо, моя оскверненная, грешная плоть, начала скучать по этой тьме.

Я лежала и ждала. Ждала следующей ночи. Ждала его возвращения.

Я знала, что каждая наша встреча приближает меня к плахе, но, кажется, я была больше не в силах дышать без его го-

рячего дыхания на моей коже.

Потянулись дни, слившиеся для меня в одно бесконечное, мучительное ожидание. Я выполняла свои обязанности почти механически: переписывала тексты, собирала травы, исполняла обряды. Но мысли мои были далеко не праведными, они блуждали в сумерках той ночи.

Я ловила себя на том, что днем ищу его глазами в толпе монахинь, а вечерами прислушиваюсь к шагам в коридорах. Монастырь, бывший когда-то надежной крепостью и тихой гаванью, теперь превратился для меня в гигантскую клетку, в которой я с замиранием сердца ждала своего тюремщика.

Но демон не приходил.

Каждое утро я просыпалась с чувством облегчения. Но следом за ним, точно яд, разливалась странная грусть.

Я боялась его появления. Но еще больше я боялась того, что он больше никогда не вернется.

Сидя в библиотеке, я старательно переписывала «Трактат о Небесных Сферах». Мысли вдруг снова потекли не в ту сторону, рука дрогнула и чернильная клякса расплылась по чистому листу.

— Сестра Лира, вы сегодня непривычно рассеянны.

Я вздрогнула так сильно, что перо выпало из пальцев. У стеллажа с теологическими трудами стоял брат Элиан.

Его фигура была облачена в простую серую рясу. Капюшон слегка прикрывал лицо, взгляд был кротким, а руки лежали на четках. Он казался воплощением смирения и праведности.

Но мое испорченное тело отозвалось на его голос так, будто по венам пустили огонь. Стыд ударил в лицо, я стиснула колени, пытаюсь заглушить импульс, вспыхнувший внизу живота.

«Какая же я порочная!» — пронеслось в голове, пока я судорожно пытаюсь промокнуть чернила.

— Брат Элиан, — выдохнула я, не смея поднять глаз. — Да... я провела предыдущую ночь в молитвах. Усталость берет свое.

Он подошел ближе. Его шаги были абсолютно бесшумными. В библиотеке никого не было, лишь закатное солнце полосовало пол длинными, кроваво-красными лучами. Элиан остановился по другую сторону стола.

— Некоторые ищут Бога в темноте, — произнес он бархатным голосом. — А некоторые находят там... нечто иное. То, что невозможно забыть, как бы усердно вы ни терзали себя аскезами.

Я вздрогнула. Замерла, боясь даже вздохнуть. Каждое его слово попало точно в цель.

Откуда он знает?!

Я медленно подняла голову. Из-под капюшона на меня с интересом смотрели глаза цвета прозрачного янтаря.

— Почему вы так смотрите на меня? — мой голос прозвучал едва слышно.

— Вы кажетесь мне любопытной, сестра Лира. Оч-чень любопытной.

— Что вы имеете в виду?

Он не ответил. Только улыбнулся краешком губ.

Я опустила взгляд на его руки. Длинные, аристократичные пальцы размеренно перебирали четки.

«Эти пальцы кажутся такими знакомыми, — подумала я. — Они так похожи на те, что повергли меня в бездну и показали мир, о котором я раньше не подозревала».

Нет!

Я с силой моргнула, прогоняя наваждение. Это просто монах. Смиранный переписчик. О чем ты вообще думаешь, Лира!

— Брат Элиан. Мы... мы ведь не встречались раньше?

— Нет, сестра, — отозвался он. — Я впервые в этих стенах.

Я выдохнула. Конечно.

«Он просто похож, — сказала я себе. — Ты придумала его лицо из обрывков чужих черт. Так всегда бывает со снами».

— Вы давно служите Свету? — спросила я, стараясь поддержать светскую беседу и заглушить навязчивый стук сердца.

— Столько, сколько себя помню, — ответил он.

— Сестра Агата сказала, что вы прибыли из северных зе-

мель, — я рискнула еще раз взглянуть на него.

В этот миг последний багровый луч заката пронзил узкое окно и упал прямо на его лицо. На мгновение мне померещилось, что зрачки его глаз сузились в вертикальные щели, а в глубине янтаря вспыхнул хищный, нечеловеческий блеск.

Элиан медленно кивнул, словно не заметив моего испуга.

— Из Вранхейма. Там суровые края.

— Говорят, на севере горы так высоки, что задевают обитель богов.

— Или подпирают небеса, чтобы те не рухнули в бездну, — отозвался он, а затем вдруг подошел ближе.

Расстояние между нами сократилось. И в этот миг до меня долетел шлейф его запаха. От него пахло грозovým вечером и терпким сандалом.

Во рту мгновенно пересохло, а сердце, сделав кульбит, провалилось куда-то вниз. Пальцы, всё еще сжимающие край пергамента, задрожали.

— Сестра, что-то случилось? — забеспокоился мужчина. — Вы так побледнели.

— Н-нет, всё в порядке. Просто... закружилась голова. Здесь немного душно.

Он взял книгу и стал обмахивать меня.

— Должно быть, вы плохо спите, — произнес он, и в его янтарных глазах, секунду назад казавшихся встревоженными, вдруг хищно блеснуло расплавленное золото. — Вас мучают кошмары?

Я застыла, чувствуя, как по спине поползли липкие мурашки.

— Почему вы... почему вы так решили, брат?

— У вас тени под глазами, — ответил он, и его взгляд скользнул по моему лицу. Медленно. Изучающе. — Вы кажетесь изнуренной и немного дерганной.

— А-а...

Я не нашла чем возразить, потому что вдруг поймала себя на том, что смотрю в его глаза слишком долго. Слишком пристально. Неподобающе для послушницы.

Я моргнула и опустила ресницы.

— Вам нужно больше отдыхать, сестра, — произнес он мягко.

— Да... наверное, — пробормотала я, вымученно улыбуясь.

Затем закрыла книгу.

— Мне пора, — сказала я. — Скоро вечерняя служба. Сестра Агата будет меня ждать.

Я бросилась собирать бумаги, но пальцы дрожали так сильно, что листы, шурша, рассыпались по дубовой столешнице.

— Позвольте помочь, — брат Элиан шагнул ближе.

Слишком близко. Настолько, что я почувствовала кожей исходящее от него тепло.

Он наклонился, чтобы подобрать разлетевшийся пергамент, и наши руки на мгновение оказались рядом. Я замерла,

затаив дыхание, словно это могло сделать меня невидимой.

Осторожно протянула руку, чтобы забрать листы, и в это мгновение наши пальцы соприкоснулись.

Мир вокруг словно мгновенно перестал существовать.

Это не было похоже на прикосновение обычного человека. Кожа под его пальцами была не просто теплой — она обжигала. Тем самым хищным, греховным жаром, который я помнила каждой клеточкой своего существа.

Я дернулась, намереваясь отшатнуться.

В этот миг закатное солнце окончательно скрылось за шпилями монастыря, и в библиотеке воцарились сумерки. Тени от книжных шкафов вытянулись, окутывая нас будто коконом.

— Почему вы так смотрите на меня? — прошептал он.

В полумраке его глаза изменились. Свет, который он так старательно имитировал, погас. Янтарная радужка начала плавиться, наливаясь тяжелым, густым золотом. Это больше не были глаза праведного переписчика из Вранхейма. Это были глаза зверя, который долго выжидал в засаде.

Сердце п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.